

М. Ю. Семенова, Фонологические средства выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола 2002.

19 апреля 2002 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Марианны Юрьевны Семеновой на тему «Фонологические средства выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун».

Работа М. Ю. Семеновой выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора Н. Н. Глухой на кафедре финно-угорских языков Марийского государственного университета. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук Н. Г. Зайцева (Петрозаводск).

Исследования произведений устного народного творчества генетически родственных языков в настоящее время направлены за пределы анализа жанровых особенностей, приемов композиции и художественной специфики с ориентацией на изучение фонологических средств выразительности. В этом случае объектом исследования уралистики являются древние магические тексты, сохранившиеся в большинстве случаев в неизменном виде. Устанавливая при этом ряды соответствий между сравниваемыми языковыми фактами с учетом реального исторического контекста функционирования родственных языков, можно вычленять несводимые к общему знаменателю расхождения, возникшие в период их самостоятельного развития отдельных языков.

М. Ю. Семеновой проделана кропотливая и скрупулезная работа по изучению звуковой выразительности, а также функциональных параметров порождения экспрессивности в 130 текстах марийских языческих молитв и 120 карело-финских рунах, записи которых охватывают период с середины XIX до конца XX в.

Обращение к произведениям народного поэтического творчества объясняется рядом причин.

1) Марийские языческие молитвы и карело-финские руны являются не только памятниками истории и устной народной традиции, но и остаются неисчерпаемой кладью духовной культуры, мировоззрения и языка двух древних финно-угорских народов;

2) Являясь архаичным и самобытным наследием предков, они веками сохраняют свою социальную природу, жизненное содержание, идейную сущность и художественное своеобразие, представляя большой интерес для истории культуры и философии, религиоведения и фольклористики, литературоведения и лингвистики;

3) Молитвы и руны сохранили и содержат в себе основные приемы образования стихотворных строк фольклора не только финно-угорских, но и многих других народов;

4) Произведения народного поэтического творчества, передаваясь почти без изменения от поколения к поколению, сохраняют выработанные в течение веков определенные сюжеты, формы и выразительные средства, т.е. многообразие фонологических средств, создающих их экспрессию, эмотивность и эвфонию. Выборка и интерпретация качества их компонентов, безусловно, содействует как определению национальных черт, так и выявлению универсальных особенностей в духовной культуре отдаленно родственных языков. В этой связи нельзя не упомянуть, что начиная с античности и до наших дней ритмической и мелодической организации текстов придается особое значение.

5) Исследования лингвистики фольклорного текста дают возможность обрисовать картину формирования духовной культуры финно-угорских народов.

Несомненно, тема работы М. Ю. Семеновой весьма актуальна и обращение

к ней очень своевременно не только для решения научно-практических задач филологической науки, но и для разработки общетеоретических вопросов компаративистики, контрастивной грамматики и фольклористики.

Основной целью исследования является полное описание и классификация выразительных средств фонологического уровня текстов марийских языческих молитв и карело-финских рун. Поставленная цель реализуется в ходе решения пяти задач: 1) выделение в текстах молитв и рун основных выразительных средств фонологического уровня и определение их типов; 2) применение существующих основных принципов, используемых при выявлении аллитерации разными лингвистическими школами, для анализа материалов обоих языков; 3) установление применимости термина «аллитерация» при исследовании начальных звуковых повторов в словах марийских языческих молитв и карело-финских рун; 4) определение природы рифмы в текстах марийских языческих молитв и карело-финских рун; 5) выявление основного ритмоорганизующего инвентаря и ритмических единиц выразительности фонологического уровня в текстах марийских языческих молитв и карело-финских рун (с. 6—7).

Источником для написания работы послужили рукописи карело-финских рун и марийских языческих молитв, извлеченные из фондов Карельского филиала РАН, кафедры финно-угорских языков университета г. Хельсинки, Марийского научно-исследовательского института им. В. М. Васильева, а также аудиозаписи, сделанные автором во время экспедиции в селениях Калтасинского района Республики Башкортостан.

Для иллюстрации теоретических положений предлагаются собственные переводы марийских языческих молитв и карело-финских рун с финского, карельского, ижорского и водского языков. В работе использованы также существующие переводы из «Калевалы» и сборника «Карело-финский народный эпос» (с. 7).

Работа имеет общий объем 154 страницы компьютерного текста и состоит из предисловия (с. 5—9), введения (с.

10—20), двух не равнозначных по объему глав: «Фонологические средства выразительности текстов марийских языческих молитв» (с. 21—80), «Фонологические средства выразительности в текстах карело-финских рун» (с. 81—127), заключения (с. 128—137), списка использованной литературы с сокращениями (с. 138—151) и списка источников с сокращениями (с. 152—154).

Введение (с. 10—20) состоит из двух рубрик «Общие положения типологической лингвистики» (с. 10—12), «Теоретические предпосылки исследования фонологической выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун» (с. 12—20). В первой из них анализируются воззрения о типологической лингвистике на фоне тех общих черт, которые свойственны человеческим языкам вообще. Во второй рубрике введения важна акцентировка автора на лингвистическую интерпретацию механизма «звуковой гармонии» с учетом общих положений теории стиля и фоностилистики, разработанных учеными на материалах индоевропейских и финно-угорских языков (с. 20). Звуковая гармония, или сингармонизм, — характерная черта агглютинативных языков. По тому, какой фонологический признак является основой сингармонизма, различаются тембровый сингармонизм (по признаку ряда), лабиальный сингармонизм (по огубленности), компактный сингармонизм (по подъему, или раствору). В составе слова возможно сочетание двух типов сингармонизма, ср., например, венг. *ablakhoz* 'к окну', *cipészhez* 'к сапожнику', *küszöbhöz* 'к порогу'.

Здесь невольно напрашивается вопрос: каков характер сингармонизма в словоформах — словопроизводных и словоизменительных формах слова марийских языческих молитв и карело-финских рун?

Возникает и другой вопрос: влияет ли гармония гласных на качество согласных звуков? Иными словами: лабиальный сингармонизм и палатальный сингармонизм меняют звучание соседних согласных или не меняют? Если да, то распространяется ли это влияние на предшествующий согласный?

Первая глава работы посвящена анализу фонологических средств выразительности текстов марийских молитв (с. 21—80). Для суждения о широте подхода к данной проблеме достаточно привести заголовки ее 24 разделов и подразделов: 1) краткая история изучения текстов марийских языческих молитв; 2) аллитерация в текстах марийских языческих молитв; 3) структура строк марийских языческих молитв; 4) трудности, связанные с выявлением аллитерации в текстах марийских языческих молитв; 5) виды аллитерации в марийских языческих молитвах; 6) аллитерация по интенсивности; 7) аллитерация по интенсивности в одной строке; 8) аллитерация по интенсивности в строфе; 9) аллитерация по местоположению; 10) типы аллитерации в строках, состоящих из двух слов; 11) типы аллитерации в строках, состоящих из трех слов; 12) типы аллитерации в строках, состоящих из четырех слов; 13) типы аллитерации в строках, состоящих из пяти и более слов; 14) общие характеристики аллитерации в зависимости от расположения в строке; 15) аллитерирующее слово и его роль в предложении; 16) ассонанс; 17) рифма в текстах марийских языческих молитв; 18) рифма как объект лингвистического исследования; 19) рифма фонетическая; 20) грамматическая (морфолого-синтаксическая) рифма; 21) лексическая рифма; 22) ритм в текстах марийских языческих молитв; 23) ритм и его единицы в свете лингвистических исследований; 24) ритм как компонент фонологического уровня ритма марийских языческих молитв.

При всех существенных результатах и успехах по изучению своеобразия языковых средств, используемых в архаических жанрах фольклора, марийское языкознание не располагает основными характеристиками средств выразительности молитвенных текстов фонологического порядка, имеются неточности и спорные моменты в рассуждениях ряда ученых. Возможно, это связано с вариацией подходов разных авторов к исследуемой проблеме, непоследовательностью и перерывом в изучении изобразительно-выразительных средств фольклора.

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что «фольклорный текст, как и любое устное сообщение, легко запоминается, воспроизводится и передается в том случае, если хорошо сочетаются его звуковые формы. Сочетания звуков в словах и коротких фразах могут иметь или же не иметь эстетической ценности, но слова могут достигать определенного стилистического эффекта при сочетании с другими словами в более длинных фразах и предложениях» (с. 24).

М. Ю. Семенова солидарна с К. Бальмонтом, воспринимавшим поэзию как волшебство и полагавшим «что каждая буква есть волшебство», а «стих вообще магичен по существу своему, и каждая буква в нем магия» (с. 25). Однако в высказывания К. Бальмонта рецензент внес бы существенные коррективы словами известного фонетиста М. В. Панова, писавшего: «Букву и знак (звук — А. К.) путать нельзя. А часто путают; притом всегда страдает звук: его называют буквой (сказывается преклонение перед письменной речью)».

Как показывает соотношение гласных и согласных в синтагматике, т.е. в речевой цепи анлаута 28391 слова, важным типологическим показателем звуковой организации речи марийского языка является его консонантная насыщенность. Часто употребляются в анлауте фонемы *k* — 5003, *p* — 3613, *š* — 2411, *t* — 2357, *v* — 1588, *m* — 1395, *s* — 1194, *g* — 1107, *j* — 982 и другие согласные, идущие в речевой цепи по нисходящей линии. Сравните частотность употребления гласных фонем в позиции анлаута: *a* — 1062, *j* — 876, *i* — 788, *o* — 779, *u* — 716, *ü* — 338, *e* — 248, *ö* — 55, *ä* — 6 (с. 37). Насыщенность речи гласными (а также сонорными), создает впечатление «звучности», «мелодичности», «певучести» языка.

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что внутри строк и строф присутствуют все типы аллитерационных повторов, классифицирующихся по их положению в ритмических единицах: *смежные* (повторы в пределах одного стиха), *кольцо*, *стык*, *скреп* (анафора звуковая), *концовка* (эпифора звуковая) (см. 38—39).

Ассонанс в работе правомерно определяется как стилистический прием в виде повторов одинаковых гласных фонем, но не относящихся при этом к начальным аллитерационным сочетаниям. Ассонанс предполагает созвучие гласных, независимо от их положения, как внутри одного слова, так и других слов строки, строфы, предложения и всего стиха (с. 52).

В работе не без оснований подчеркивается, что конечное созвучие слов в марийских языческих молитвах создано не искусственно, а на основе естественных средств языка (с. 79).

Большая работа проведена автором по изучению *р и ф м ы и р и т м а* марийских языческих молитв (с. 53—76). В марийском языкознании они не были объектом комплексного лингвистического исследования, поэтому их анализ представляет большой научный интерес как для лингвистов, так и для литературоведов и фольклористов.

В связи с необходимостью совершенствования навыков и умений речевого общения у рецензента возникает такой вопрос: динамическая, мелодическая, паузальная структуры предложения, кульминационные ударения в синтагмах упорядочивают ли ритм высказывания и создают ли у воспринимающего ощущение гармонии?

Завершая обзор указанной главы, следует отметить, что весь анализируемый материал в ней строго систематизирован. Выводы не вызывают сомнений. Глава богата ценными сведениями и информацией, поскольку фонологические средства выразительности текстов марийских языческих молитв анализируются впервые.

Вторая глава работы, состоящая из 21 раздела и подраздела, посвящена анализу фонологических средств выразительности текстов карело-финских рун (с. 81—127). Она построена по такой же схеме, что и первая.

Под «карело-финскими рунами» автор работы понимает стихи, написанные четырехстопным хором. По ее мнению, именно на этот стихотворный размер опирался Э. Леннрот, выводя в свет карело-финский эпос «Калевала». Этот

же размер лежит в основе многих карело-финских пословиц, поговорок, народных плачей и других стихов (с. 81).

Отмечая отсутствие единообразия в определении термина «аллитерация» у исследователей разных стран, М. Ю. Семенова отмечает, что финские лингвисты принимают гласные и согласные звуки за равноправные составляющие аллитерации (с. 84—85). Под ассонансом исследователями прибалтийско-финских языков понимаются те случаи, когда находящиеся в созвучии одинаковые гласные первых слогов не образуют начальной аллитерации (с. 109). Рассматривая этот прием усиления фонетической выразительности рун, автор с сожалением констатирует, что ассонанс, несмотря на неоднократные попытки обобщения многообразного фактического материала, в прибалтийско-финских языках остается еще слабо изученным (с. 110).

Весьма правомерно утверждение автора работы, что фонологическими ритмообразующими средствами в текстах карело-финских рун являются, как и в марийских языческих молитвах, начальная и внутренняя аллитерация, ассонанс, консонанс рифма, онomatопея (с. 123). Следует отметить в этой связи, что для фундаментальных отраслей языкознания — компаративистики, типологии и ареальной лингвистики — определенный интерес представляют концепции типа: «близость метрических структур стихов столь отдаленных друг от друга родственных по языку народов (прибалтийско-финских, марийского и даже нгансанского) позволяет предположить, что архаичные строки стихов уральских народов были метрически оформлены целно» (с. 137).

Теоретическую часть работы завершает заключение (с. 128—137), содержащее умело сформулированные выводы по обеим главам.

В техническом отношении работа М. Ю. Семеновой выполнена надлежащим образом. Попутно, однако, следует заметить, что отдельные недочеты вкратце в список источников с сокращениями (с. 152), а погрешности технического характера типа *монго* (с. 50) вместо *мõнгõ* 'домой', *муйвочкым*, *уй-*

вочкым (с. 59), вместо *мййвочкым, јй-вочкым* 'бочку меда, бочку масла' не имеют существенного значения.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что М. Ю. Семенова решила многие ключевые вопросы лингвистики текста (в частности звуковой организации текста в архаичных жанрах фольклора), до сих пор остававшиеся нерешенными в финно-угорском языкознании.

По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна. Они могут быть использованы при исследовании текстовых единиц и текста как целого речевого произ-

ведения других родственных языков и найдут применение в преподавании курсов сравнительной грамматики и сопоставительной типологии, финно-угроведения и литературоведения, синтаксиса и устного народного творчества в вузах республик Урало-Поволжья и Прибалтийского историко-географического регионов. Теоретические положения и иллюстративный материал работы могут стать хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной типологии финно-волжских языков».

Исследование М. Ю. Семеновой восполняет существенный пробел в изучении фонологических средств выразительности в текстах архаичных жанров фольклора как в финно-угроведении, так и в уралолистике в целом.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)